

Цена 30 коп.

11887

Ак Р

582

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ЛЕВОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

И. А. СТАРЦЕВ

АМЕРИКА
И
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1942

И. А. СТАРЦЕВ

АМЕРИКА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

1. Сейчас, когда фашистские орды вторглись в нашу страну и советский народ поднялся на великую отечественную войну с наглым захватчиком, свободные народы во всем мире протягивают нам руку поддержки и солидарности. С каждым днем этот союз свободных народов крепнет и ширится. Уже заключено соглашение правительств СССР и Великобритании о совместных действиях в войне с гитлеровской Германией. За ним последовали соглашения между СССР и Чехословакией, между СССР и Польшей. Продление торгового договора между СССР и США и сделанные по этому поводу заявления американских и советских деятелей и прессы не оставили сомнений относительно видной роли США в антигитлеровской коалиции. Историческая конференция в Москве трех великих держав — СССР, Великобритании и США — продемонстрировала перед всем миром непреклонную решимость прогрессивного человечества покончить с кровавым разбоем гитлеровской банды. Речь идет о «едином фронте народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера», как это сформулировал товарищ Сталин в своем обращении к советскому народу.

В момент опасности, нависшей над нашей родиной, советские люди с живой радостью видят среди своих друзей великую заокеанскую республику — США, страну, с которой мы связаны исторической дружбой. Эта дружба дорога нам и неразрывно переплетена с нашей собственной

историей. Она связана со стремлениями русских передовых людей прошлого освободиться от гнета самодержавия. Демократическая республика за океаном вдохновляла Радищева, декабристов, Герцена, Чернышевского в их отважной борьбе с царизмом. Со своей стороны американский народ неоднократно выражал свои симпатии русскому народу и его освободительной борьбе против царизма.

В истории американского народа есть ряд выдающихся прогрессивных черт, которые сделали вопрос об американской демократии одной из узловых тем западноевропейской и русской общественной мысли на всем протяжении нового времени.

Соединенные Штаты Америки были основаны свободными европейцами, бежавшими за океан от феодально-крепостнического гнета. Национальная цивилизация американского народа создавалась как передовая в социальном отношении цивилизация. Национальная гордость американца была гордостью гражданина страны, провозгласившей «равное право на жизнь, свободу и стремление к счастью» в мире, где господствовало угнетение и кровавая эксплуатация. Материальные условия этой новой цивилизации были как нельзя более благоприятны. Освобожденный от феодальных пут народ вступал во владение необозримыми пространствами девственной почвы, неисчислимыми природными богатствами — минеральными, животными, растительными. В неслыханных доселе размерах человек мог осуществить свою власть над природой. В этой обстановке сложились американский оптимизм и американская предприимчивость, как черты национального характера.

Гектор Сент Джон де-Кревекер, автор известных «Писем американского фермера», вышедших во Франции и в Англии в 80-х годах XVIII века, писал: «Европеец, когда он прибывает в страну, кажется ограниченным в своих планах, равно как и в своих мнениях, но он стремительно изменяет свой взгляд на жизнь... Едва только наш воздух наполняет его грудь, как он усваивает новую меру вещей,

и им овладевают замыслы, которые никогда не пришли бы ему в голову на старой родине»¹.

Молодая страна дважды привлекла к себе взоры всего мира. Первый раз при своем рождении, когда в Америке возникла впервые идея единой великой демократической республики и была провозглашена первая декларация прав человека. В середине XIX века в США произошла гражданская война, выдающееся революционное значение которой сообщило освободительной борьбе в Америке всемирно-исторический характер.

Европейские революционеры разных стран приняли участие в борьбе американского народа за независимость, и прогрессивная партия в Европе единодушно приветствовала его победу. В дальнейшем феодально-монархическая реакция сделала США своей мишенью, стремясь показать на их примере несостоятельность демократического строя. Об этом знаменательном споре хорошо писал Чернышевский: «На Северную Америку указывают западно-европейские прогрессисты, когда слышат, что их идеалы неосуществимы. Выставлением дурных сторон северо-американской жизни доказывают западно-европейские консерваторы гибельность теорий, защищаемых прогрессистами. Словом сказать, обе главные партии Западной Европы одинаково считают Северную Америку образцовой страной для проверки своих убеждений, дурное мнение о ней представляется опорой для существующих западно-европейских отношений, хорошее мнение о ней возбуждает к желанию преобразовать их»².

Таково было в эту пору почетное положение США — знаменосца исторического прогресса. Если американская республика была гигантом западного полушария, то гигантом восточного была Россия. Россия была страной подневоль-

¹ St. John de Crevecoeur. Letters from an American Farmer. Цитируется по американскому изданию 1904 года.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. СПб., 1906, т. VIII, стр. 389.

ного крестьянства и царского самовластья, но могучий народ, обитавший на бескрайних пространствах русской земли, совершал великие исторические дела. Это было ясно более вдумчивым наблюдателям, и европейские писатели XIX века, размышляя о будущем цивилизации, концентрировали свое внимание на США и России. Знаменитый французский историк и публицист де-Токвилль писал в своей книге «О демократии в Америке», что на земле существуют только два великих народа — русские и англо-американцы, занявшие место «в первом ряду между нациями». «Все другие народы, повидимому, почти достигли пределов, предназначенных им природой,— пишет де-Токвилль.— Их задача — только сохранять приобретенное. Но эти два народа находятся еще в периоде роста. Все остальные остановились или подвигаются только с большими усилиями; лишь они одни идут легко и скоро по пути, которому глаз еще не видит конца»¹.

Дружба русского и американского народов была дружбой двух гигантов. Нужды нет, что русский великан был долгое время скован по рукам и ногам. Сила в нем накапливалась и бурлила. Она свободно проявила себя в великом общественном переустройстве, начатом в дни октября 1917 года.

2. Несмотря на разобщенность Америки и России в XVIII веке, влияние американской войны за независимость сыграло большую роль в идейной жизни современного русского общества. События в Америке произвели глубокое впечатление на передовых русских людей и ярко отразились в произведениях великого русского писателя XVIII века — Александра Радищева. Если можно определить начало дружественной связи русского и американского народов, то этот начальный узелок содержится в горячей строфе знаменитой оды Радищева «Вольность», написанной под знаком заокеанских событий²:

¹ А. де-Токвилль. О демократии в Америке. М. 1897, стр. 340.

² «Вольность», цитируется по Полн. собр. соч. А. Н. Радищева, М.—Л., изд-во Акад. Наук СССР, 1938, т. I.

К тебе, душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна,
Лежала вольность поправа;
Ликуешь ты! А мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем,
Пример твой мету обнажил,
Твоей я славе не причастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

В этих строках выражено не только благородное чувство содружества с народом передовой страны мира, но и решимость следовать показанному примеру — завоевать свободу в своей собственной стране.

Здесь уместно будет вспомнить, что американские революционеры в своих мечтах о всемирной победе провозглашенных ими освободительных идей обращали свой взор и к России, о которой они мало что знали и которая служила для них символом отсталости и самовластия. Крупнейший поэт американской войны за независимость Филипп Френо в своей «Оде», посвященной торжеству прав человека, рисует, как «благодатное пламя свободы» перебрасывается «на ледяные просторы России».

На ряду с идеальными мотивами в «Вольности» имеются более реалистические картины. Таково описание «свободных мужей», вольных землепашцев на свободной американской земле — не таким ли Радищев рисовал себе социальный идеал в России? Радищев с воодушевлением говорит о народной республиканской армии и ее важных политико-моральных (как мы сказали бы теперь) преимуществах перед наемной или подневольной армией угнетателей:

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит.
Не скот здесь согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.

Строфа заканчивается хвалой вождю американской революционной армии, имя которого было в это время лозунгом передовых людей в Европе:

О, воин непоколебимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь — свобода, Вашингтон!

Имя Вашингтона, как руководителя американских колонистов, борющихся за свободу, окружено в России ореолом славы. В «Прибавлении» к газете «Московские ведомости» выдающийся деятель русского просвещения Н. И. Новиков печатает статью «Краткое описание жизни и характера генерала Васгингтона», заканчивающуюся следующим апофеозом: «Рим имел Камилла, Греция имела Леонида, Швеция — Густава, Англия — Русселя и Сиднея. Однако же сии славные герои не равняются Васгингтону, он основал республику, которая, вероятно, будет прибежищем свободы, изгнанной из Европы роскошью и развратом»¹.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев обращается с высокой хвалой к другому вождю и идеологу американской войны за независимость — Франклину и приводит знаменитую характеристику Франклина-республиканца: «Се изторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей». Имя Франклина имеет в это время в России двойную и даже тройную притягательную силу. Франклин не только корифей республиканизма, но его имя — одно из наиболее популярных в научном мире и в то же время он любимец литературных кругов. Княгиня Е. Р. Дашкова, президент Академии Наук, состоит членом основанного Франклином философского общества в Филадельфии и находится с Франклином в переписке. Денис Фонвизин знакомится с Франклином в Париже. Ряд сочинений Франклина выходит в русских переводах.

В том же «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев, защищая свободу печати, ссылается на законо-

¹ «Прибавление к Московским ведомостям», 1784, № 47.

дательство молодой американской республики: «Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими», пишет он, и с удовлетворением цитирует соответствующие параграфы из конституции штатов Пенсильвании, Делавара, Мэриленда и Вирджинии. Отстаивая свободу слова, он снова приводит пример из американской общественной жизни, излагая эпизод из политической биографии видного деятеля американской республики — Джона Дикинсона. Он использует этот повод, чтобы отметить демократические черты американской государственности. «Дикинсон, имевший участие в бывшей в Америке перемене, — пишет Радищев, — и тем прославившийся, будучи после в Пенсильвании президентом, не возгнушался сражаться с наступавшими на него. Первейший градоначальник области низшел в ристалище, издал в печать свое защищение, оправдался, опроверг доводы своих противников, и их устыдил»¹.

Для того чтобы представить себе, насколько широко русское общество было знакомо с ходом событий за океаном, следует обратиться к современной периодической печати. Обе русские газеты — «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости» в течение всего периода американской войны за независимость много внимания уделяют Америке. Они пристально следят за ходом военных действий, становлением нового государственного порядка, дипломатическими успехами американской республики в странах Европы. Газеты публикуют сообщения о выходе и продаже русских и иностранных книг, посвященных Америке. Обследование русских библиотек XVIII века показывает, что образованные русские люди были знакомы со всей важнейшей европейской литературой, связанной с освободительной борьбой в Америке. Русские журналы, и петербургские и московские, печатают много-

¹ «Путешествие из Петербурга в Москву», цитируется по указанному выше собранию сочинений Радищева.

численные сообщения и материалы, прямо или косвенно затрагивающие американские дела.

Среди причин, обусловивших победу американцев в войне за независимость, немалую роль играли международные дипломатические факторы, складывавшиеся в основном в пользу США. Императрица Екатерина, несмотря на свое сдержанное отношение к американским «инсургентам», руководствуясь реальными государственными интересами, предприняла ряд акций первостепенного значения, направленных к выгоде американской стороны.

Первым действием такого рода был отказ Екатерины предоставить в распоряжение Георга III двадцать тысяч русских солдат, которые должны были быть посланы в Америку для борьбы с восставшими колонистами.

В 1780 году российское правительство провозгласило знаменитый принцип «вооруженного нейтралитета». Этот акт привел к важному изменению международной ситуации в пользу американцев; он дал перевес в Европе сторонникам Соединенных Штатов и в дальнейшем способствовал тому, что в Англии победила партия, стоявшая за прекращение войны.

Конгресс Соединенных Штатов Америки, заслушав доклад комитета, изучавшего декларацию о вооруженном нейтралитете, принял решение присоединиться к декларации и выразить благодарность русскому правительству, как инициатору этого акта. Как писали «Санктпетербургские ведомости», Конгресс «изъявил многими своими изданными определениями наиглубочайшее почтение к великодушным Ее Императорского Величества законоположениям и усердие свое споспешествовать оным»¹.

Считая инициативу императрицы Екатерины дружественным актом, Конгресс направил в Россию Фрэнсиса Дана в качестве полномочного посла при Петербургском дворе. Екатерина тем не менее не пожелала признать Соединенные Штаты Америки, и Дана уехал, не получив даже возмож-

¹ «СПб. Ведомости», 1781, № 17.

ности представить свои верительные грамоты. Неуспех официальных связей не повлиял, однако, на тяготение передового русского общества к американской республике; даже в годы реакции, когда Екатерина, напуганная революцией во Франции, стала называть Вашингтона бунтовщиком и, расправляясь с Радищевым, вменила ему похвалу Франклину в «Путешествии» в особую вину, передовые русские люди не отказались от своих симпатий к США. Хвалить открыто американскую демократическую республику было запрещено, но в русских архивах находят рукописи, содержащие текст американской конституции, которые вольнолюбивые прадеды советских людей передавали тайно из рук в руки.

3. Интерес декабристов к США является логическим продолжением традиции, установленной передовыми деятелями русской общественной мысли XVIII века.

Декабрист князь С. Г. Волконский вспоминал в своих «Записках», что он намеревался посетить «Американские Штаты, занимавшие тогда умы нашей русской молодежи по их самостоятельному быту и по демократическому политическому составу»¹. Декабристы уделяли большое внимание литературе об Америке, сочинениям по истории и политическому устройству США. Декабристы братья Беляевы перевели «Путешествие в Америку» Лафайета (они сожгли рукопись перед арестом). Биография Вашингтона пользовалась среди декабристов особой популярностью. Вашингтон являлся для них символической фигурой борца за свободу, и его имя занимает место в ряду великих героев древних республик. В бумагах декабриста В. Ф. Раевского имеется такая присяга: «О Брут! о Вашингтон! Я не унижу себя, я не буду слабым бездушным рабом, или с презрением да произнесет имя мое мой близкий!»² Декабрист Каховский, казненный царским правительством, пишет в одном из тюремных писем: «Имя Вашингтона, друга, благодетеля

¹ Записки С. Г. Волконского. СПб., 1901, стр. 327.

² В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 109.

народного, пройдет из рода в род; при воспоминании его закипит в груди граждан любовь к благу отечества». В этом же письме Каховский пишет: «Северо-Американские Штаты своим устройством подвигнули Европу к соревнованию. Они будут сиять в пример и отдаленному потомству»¹.

Большое влияние оказали идеи американской государственности на республиканское крыло декабристов. Поэт и друг Пушкина Рылеев, второй из казненных декабристов, считал государственный строй американской республики «приличнейшим для России»². Согласно показаниям Волконского на следствии по поводу деятельности Южного общества, «всегдашним разговором членов было, что американская конституция есть лучший образец для России»³. Полковник Пестель, третий из казненных декабристов, учитывая опыт американской войны за независимость, считал необходимым создание для решительного разгрома царизма «сильного и ничем не остановленного в своих действиях правительства», приводя в пример полномочия, данные американским Конгрессом Вашингтону в решающий момент войны⁴.

Нужно указать, что внимание передовых элементов русского (как и европейского) общества к США в этот период усугубляется тем, что новый порядок в Америке дает все признаки упроченности. Монархическая реставрация во Франции произошла на глазах у декабристского поколения русских людей, зато республика за океаном оставалась наглядным образцом жизнеспособности нового порядка. Европейская реакционная пресса под тем же впечатлением начинает в эти годы планомерную клеветническую кампанию против США, обвиняя американцев во всех смертных грехах. Брюзгливые и недобросовестные путешественники

¹ П. Е. Щеголев. Петр Григорьевич Каховский, М., 1919, стр. 30—31.

² «Восстание декабристов». М.—Л., 1925—1930, т. I, стр. 211.

³ Там же, т. IV, стр. 204.

⁴ Семевский И. Цит. соч., стр. 508.

сбъезжают США и, оплакивая в объемистых томах неблагоустроенность американских гостиниц, непочтительность прислуги и грубость американских манер, без обвиняков приписывают все эти грехи «гибельному духу республиканизма» (заметим в скобках, что иные из этих книг очень напоминают сомнительные ламентации отдельных путешественников с Запада, побывавших в СССР).

Пропаганда «американоедства» не осталась без отражения и в русской печати. Реакционные журналы не упускали случая принизить в глазах русского читателя американскую демократию. Однако прогрессивная русская печать занимает ярко американофильскую позицию и ведет деятельную работу по ознакомлению русского общества с американской действительностью. Значительная роль принадлежит здесь «Духу журналов», политико-публицистическому ежемесячнику, издававшемуся в 1815—1820 годах. В 1820 году значительно полневший «Дух журналов» начал печатать нечто вроде энциклопедии американской жизни. Редакция писала: «Когда хотят назвать страну, где народ пользуется всеми выгодами мудрого, свободолюбивого, на неизменных законах основанного правления, то именуют Северную Америку»¹. Наиболее важным было опубликование во 2-й и 3-й книгах журнала за этот год, впервые в России, конституции США в форме изложения, перемежаемого цитатами и комментариями. За вычетом критики острого предвыборного соперничества партий комментарий носит хвалебный характер. «Надобно признаться, — восклицает автор, — что не было еще страны, в которой права естественные человека так сближены были бы с гражданскими его обязанностями, как здесь»².

Другие статьи сообщают сведения об американской промышленности, торговле, бюджете, устройстве правительственных учреждений, армии, милиции, национальных обычаях и т. п. Любопытно, что редакции журнала пришлось напечатать принадлежащее немецкому автору резко

¹ «Дух журналов», 1820, кн. I.

² Там же, кн. III.

отрицательное суждение об Америке и американцах. Делалось это очевидно для смягчения царской цензуры. Редакция прямо пишет, что помещает статью, «чтобы не понести нареkania в пристрастии». Однако, несмотря на такое намерение, редакция на безапелляционное заявление автора статьи, что американцы неспособны создать промышленность наподобие европейской, дает примечание: «Мы верим, что всего этого еще недостает у американцев, но почему бы они не могли приобрести того со временем? Здесь, кажется, сочинитель сам увлекается пристрастием, в котором других осуждает»¹.

В конце 1820 года «Дух журналов» был закрыт, как политически неблагонадежный журнал, печатающий, по формулировке министра народного просвещения А. И. Разумовского, «политические статьи не в духе нашего правительства».

Из вышедших в это время книг русских авторов, посвященных США, следует отметить «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» Павла Свиньина, вышедший в 1815 году и переизданный в 1818 году. Свиньин был видным русским журналистом, издателем «Отечественных записок». Книга его явилась результатом знакомства с американской жизнью в бытность Свиньина секретарем русского генерального консула в Филадельфии. «Опыт живописного путешествия» содержал много сведений и ярких зарисовок из американской жизни и сыграл несомненную роль в деле ознакомления русского общества с современной жизнью в США.

Вторая книга принадлежала перу Петра Полетики, русского посла в США в 1817—1821 годах. Полетика принадлежал к передовой части русского образованного общества, был близок с Пушкиным, Батюшковым и Жуковским. Его книга, изданная анонимно в Лондоне на французском языке и печатавшаяся отрывками в России, представляет выдающееся явление в современной европей-

¹ «Дух журналов», 1820, кн. XIV.

ской литературе об Америке. Интересно, что, когда книга была переиздана в 1826 году в США, американский издатель в своем предисловии воздал высокую хвалу объективности Полетики и его глубокому пониманию американской жизни¹.

Чтобы заключить характеристику этого периода русско-американских культурных связей, нужно сказать об отношении к США великого русского писателя — Александра Герцена. Герцен начинал свою общественную и писательскую деятельность как ярый республиканец-американофил. В заключительной сцене юношеской драмы Герцена «Вильям Пенн» у могилы Пенна стоят три путника, пришедшие поклониться его праху. Это — Вашингтон, Франклин и Лафайет — граждане американской республики.

В 40-х и 50-х годах Герцен, в связи с развиваемой им критикой европейской жизни, усиленно пропагандирует идею о близости России и Америки и общности их исторического пути. В своей статье «Америка и Сибирь», цитируя филадельфийскую газету о великих перспективах русско-американского сближения в связи с окончанием постройки тихоокеанской железной дороги в США и развития русского тихоокеанского побережья, Герцен пишет: «Россия с Америкой встречаются оттого, что между ними целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков, завистливого местничества и остановившейся цивилизации»². Дальше Герцен характеризует обе страны: «Обе страны переизбыточествуют силами, пластичизмом, духом организации, настойчивостью, не знающей препятствий. Обе... расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями»³.

¹ A Sketch of the Internal Condition of the United States of America and of their political relations with Europe. By a Russian. Baltimore, 1826.

² А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 399.

³ Там же, стр. 404.

«У России в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик — Северные Штаты», пишет Герцен, размышляя о будущем своей родины, борьбе за освобождение которой он отдал всю жизнь¹.

4. Второй революционный поворот в истории США произошел в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого столетия, когда демократия Северных Штатов раздавила мятеж южан-плантаторов и уничтожила рабовладение в США.

Правительство Александра II по внешнеполитическим соображениям поддерживало Север. Это было продолжением традиционных дружественных государственных отношений США и России, восходящих к декларации о вооруженном нейтралитете 1780 года и получивших развитие в годы царствования Александра I. Все возникавшие во взаимоотношениях России и США вопросы, в частности вопрос о русских колониях в Америке, разрешались русским и американским правительством в духе мирного сотрудничества.

Заверения русских официальных кругов в дружественной поддержке северного правительства в годы гражданской войны, без сомнения, помогли предотвратить европейскую интервенцию в пользу Юга. Такую же полезную роль сыграл визит русского флота в Нью-Йорк и в Сан-Франциско осенью 1863 года. Независимо от тех или иных мотивов, руководивших царским правительством, близость государственных интересов обеих стран создавала предпосылки к сближению народов, действительное содержание которого далеко выходило за пределы официальной политики.

Освободительная война северян послужила мощным толчком для прогрессивного движения в Европе. В год начала гражданской войны в США Чернышевский, вождь русской революционной демократии 60-х годов и политический руководитель «Современника», писал, прибегая, по цензурным соображениям, к самым общим формулировкам:

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 400.

«Кризис, переживаемый теперь Северной Америкой, не может остаться без очень сильного влияния на судьбу цивилизованного света. Если он приведет к результату, предсказанному теперь почти всеми в Западной Европе (речь идет о капитуляции Севера перед требованиями южан. — А. С.), опустятся руки у одной партии и перейдет общественное мнение на сторону другой; если же развязка дел в Северной Америке будет иная, то и в Западной Европе значительно ускорится ход событий». И дальше: «В год или в два, быть может, и нельзя будет открыть перемен в западно-европейской истории от развязки нынешнего северо-американского кризиса; но зато целые десятки лет будет действовать он на ее направление, как самое основание северо-американского Союза действовало прежде»¹.

Нужно сказать, что гражданская война в США в оценке Чернышевского — это содержательная глава в истории русско-американских отношений не только с точки зрения русского, но и американского общества, ибо то, что писал в этой связи Чернышевский, принадлежит к наиболее ярким и значительным откликам мирового общественного мнения на события в Америке.

С самого начала политического кризиса в Америке и вплоть до закрытия «Современника» в июне 1862 года и последовавшего вскоре затем ареста Чернышевский уделяет американским событиям особое внимание в ежемесячных политических обзорах, нередко освещая их за счет других международных событий. Не подлежит сомнению, что для Чернышевского и всего круга «Современника» (Добролюбов, Некрасов, Салтыков-Щедрин) американские дела были особенно актуальны не только в силу собственного значения, но и по причине их близкого сходства с русскими делами. Борьба в США за уничтожение невольничества революционным путем естественно совпадала с ре-

¹ «Современник», 1861, № 2, отд. «Политика».

волюционной программой уничтожения русского самодержавно-крепостнического строя.

Русско-американские параллели были в этот период ходовыми. Автор одного очерка на тему о крестьянской реформе называет либеральную и крепостническую группы русских помещиков «пенсильванцами» и «каролинцами», также «аболиционистами» и «антиаболиционистами».

«Современник» не был захвачен врасплох гражданской войной в США. Еще в 1857 году журнал напечатал статью «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов», где были ясно выражены симпатии к северянам. В 1858 году «Современник» разослал своим подписчикам в виде приложения «Хижину дяди Тома», преследуя, разумеется, не одни лишь литературно-художественные цели. Однако наиболее значительны высказывания Чернышевского по поводу знаменитого вооруженного выступления Джона Брауна в Гарперс Ферри в 1859 году. Указывая, что европейская пресса не оценила по достоинству этого события, Чернышевский разъяснил историческое значение выступления Брауна как начала гражданской войны. Он приводит извлечение из устава общества, которое намеревался учредить Браун, указывает, что это устав «военного общества для освобождения невольников» и подчеркивает в нем «неукротимую энергию и глубокое, строгое нравственное чувство»¹. Это писалось в конце 1859 года, прошедшего в России под знаком крестьянских восстаний, и имело, нужно думать, ближайшее отношение к «домашним обстоятельствам».

В политических обзорах Чернышевского, посвященных событиям гражданской войны в США, важно выделить три момента: категорический отказ от всякой мысли о компромиссе, беспощадную критику оппортунизма и шатаний в северном лагере и проникнутый верой в победу, замечательный по глубине и политическому чутью анализ общего хода и отдельных этапов борьбы.

¹ «Современник», 1858, № 11, отд. «Политика».

Большой интерес представляет энергичная тактика Чернышевского в борьбе против попыток европейских сторонников Юга возбудить международное общественное мнение против северян. Когда определился разрыв Севера с Югом и реакционная печать подняла шум вокруг «Разъединенных Штатов» и близкой гибели Севера, Чернышевский, приводя выдержки из речей и газет северян, доказывал, что американские патриоты не только не падают духом, но полны бодрости и даже довольны, что неотвратимый конфликт, наконец, наступил.

Свои последние обзоры Чернышевский писал под впечатлением крупных военных успехов Севера, которые он приветствовал с энтузиазмом.

Чернышевский признавал необходимость единства в северном лагере для успешного достижения общей цели и сохранял строго лояльное отношение к политике президента Линкольна даже в тех случаях, когда считал ее недостаточно энергичной. Он верил в неизбежность углубления войны, революционного освобождения невольников и полного разгрома Юга.

В этой связи необходимо вспомнить знаменитые замечания Чернышевского о тактике политической партии, высказанные им в статье о книге американского экономиста Кэри «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов». Кэри, оплакивая недостатки американской жизни, объяснял их как следствие низких тарифов и предлагал в качестве целительного средства переход к политике протекционизма. Чернышевский высмеивает Кэри, как «мономана», и указывает, что главное зло американской жизни заключается не в торговых пошлинах, а в рабстве. «А собственно то, что Кэри противник слишком низкого тарифа, еще не большой грех в американском писателе, враждебном невольничеству,—пишет Чернышевский.—По правде говоря, мы сами, при всем нашем теоретическом убеждении в превосходстве свободной торговли, чуть ли не пожертвовали бы этим ученым принципом и не стали бы требовать до-

вольно высоких таможенных пошлин, если бы жили в Соединенных Штатах»¹.

И Чернышевский разъясняет, что таможенные пошлины служат основным источником доходов союзного (т. е. северного) правительства: «Пока союзное правительство будет нуждаться для своего процветания в тарифе, ... нечего делать, нужен в Соединенных Штатах довольно высокий тариф». «Есть другое обстоятельство, — пишет далее Чернышевский, — еще более важное. Коренное зло в Соединенных Штатах — невольничество. Главной опорой партии, стремящейся к уничтожению невольничества, служат штаты Новой Англии. Эти штаты требуют протекционных пошлин. Очень может быть, что они в этом случае заблуждаются, но что же делать? Можно, если хотите, стараться вывести Новую Англию из ее заблуждения; но пока она держится его, надобно принимать и эту, может быть, неудовлетворительную, может быть, несколько даже вредную черту ее программы ради того, что существенная черта программы — враждебность невольничеству — справедлива, благотворна и своею важностью для государственной жизни в миллионы раз превосходит все остальные общественные вопросы».

«Надобно иногда, — резюмирует Чернышевский, — становиться товарищем человека, имеющего какое-нибудь ошибочное требование, если с тем вместе он имеет другое справедливое и несравненно важнейшее требование».

Так обосновывал великий русский политический писатель необходимость единого фронта прогрессивно мыслящих людей во всех странах мира для поддержки освободительной борьбы в США. Расхождения во мнениях отходили на второй план перед лицом суровой и ответственной задачи — разбить общего врага, реакцию, начисавшую на своем знамени: «Рабство!».

Не так ли поступили и сегодня прогрессивные народы

¹ Статья цитируется по Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского в указанном выше издании, т. VIII, стр. 98 и дальше.

во всем мире, став плечом к плечу в борьбе за честь и свободу против кровавой угрозы титлеризма!

5. Хотя русско-американские литературные связи пока мало исследованы, значение их для истории русской литературы очевидно. Популярность Франклина в XVIII веке, громкая слава Ирвинга и Купера в 20—30-х годах XIX столетия, увлечение Достоевского Эдгаром По, любовь русского читателя к Марку Твену, Джеку Лондону и новейшим американским авторам,— все это яркие и содержательные эпизоды литературного развития в России.

Не менее велико влияние русской литературы в США; в особенности это относится к Тургеневу и Льву Толстому.

Когда Диккенс перестает казаться американцам литературным образцом, новое поколение американских литераторов обращает взор к Тургеневу. В истории американской литературы приводится шутка по адресу двух крупнейших американских писателей-реалистов — Генри Джеймса и Уильяма Дина Гоуэллса, состоящая в том, что Джеймс поехал в Париж и читал там Тургенева, а Гоуэллс остался дома и читал Джеймса. Так или иначе, влияние Тургенева на американских писателей 70-х годов было очень важным фактором американского литературного развития.

В 80-х годах в американской литературе начинает сильно сказываться влияние другого гениального представителя русской культуры — Льва Толстого. Это относится не только к его художественному слову, но и к его социальным и этическим исканиям.

Толстой питал особый интерес к американской жизни и американской культуре. Причиной этому были отличные от европейских условия социального развития США. Совпадение по времени кризиса русской жизни, связанного с падением крепостного права, с кризисом американской жизни в связи с гражданской войной и отменой рабства негров также привлекало внимание Толстого.

Толстой испытал некоторое влияние американских писателей социологов и моралистов, писавших в 40—50-х го-

дах. В свою очередь он оказал своими сочинениями влияние на американских писателей 80—90-х годов.

В 1900 году английский литератор Эдвард Гарнетт обратился к Толстому с просьбой написать несколько слов американским читателям. В ответном письме Толстой пишет: «Если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, я хотел бы выразить ему благодарность за ту великую помощь, которую мне оказали американские писатели, процветавшие в 50-х годах. Я назвал бы прежде всего Гаррисона, Паркера, Эмерсона, Баллу и Торо не потому, что считаю их самыми значительными, но потому, что думаю, что они особенно повлияли на меня. Другие — это Чаннинг, Уиттир, Лоуэлл, Уолт Уитмен — яркое созвездие, какое не часто удается видеть в мировой литературе».¹

Пять американских писателей, названных Толстым, в первую очередь стали известны ему в связи с его социальными и религиозными исканиями. С Адином Баллу, ветераном американского «христианского социализма» 50-х годов, Толстой успел вступить в переписку. Он придавал его сочинениям преувеличенное значение, называя его «одним из величайших благодетелей человечества». С Эмерсоном, Паркером, Гаррисоном и Торо Толстой был хорошо знаком, высоко ценил их, содействовал изданию их произведений на русском языке и включил многие отрывки из их сочинений в составленный им сборник жизненно-важных, как он считал, мыслей разных авторов («Круг чтения»).

Толстой пробует сближать социальный и моральный пафос этих писателей с социальным протестом в русской литературе в предреформенные годы. Он пишет своему английскому переводчику Моду: «Великая литература возникает, когда общество переживает моральное возрождение. Возьмите, например, период освобождения рабов, когда в России шла борьба за уничтожение крепостного права, а в Соединенных Штатах развивалось аболиционистское движение. Поглядите, какие писатели появились в это

¹ Английский текст в Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, т. 72, М.—Л., 1937, стр. 396—397.

время. В Америке: Гарриет Бичер-Стоу, Торо, Эмерсон, Лоуэлл, Уиттир, Лонгфелло, Вильям Ллойд Гаррисон, Теодор Паркер и другие. В России: Достоевский, Тургенев, Герцен и другие».¹

Мы не ставим здесь своей задачей раскрыть полностью связь Толстого с этими писателями и обращаем лишь внимание на ее двойственность. Все эти писатели — представители американской народнической и аболиционистской интеллигенции середины столетия — отразили в той или иной мере протест патриархальной деревенской Америки против нарастающего господства промышленно-урбанистической цивилизации. Нет ничего удивительного, что Толстой находил у них «свои мысли, прекрасно выраженные», как он писал относительно Паркера². С одной стороны, Толстой черпал у этих писателей материал для своих утопических построений, и если бы этим их влияние ограничилось, оно имело бы лишь чисто исторический интерес. Однако, несомненно, Толстой находил у них острую критику крепостничества, бюрократической государственности, ханжества и лицемерия, и эта критика не могла не оказать влияния на развитие его собственных социальных идей.

Во второй половине 80-х и в 90-х годах имя Толстого приобрело мировую известность, и к нему стали тянуться литераторы всех стран, как к «старейшине мировой литературы».

Крупнейшие представители американской литературной интеллигенции — Лоуэллс, Гейл, молодой Гарленд и другие — были горячими почитателями великого русского писателя.

«В дальнейшем (я имею в виду период 1888—1900 гг.), — говорит Гарленд, описывая возматсвавшее влияние Толстого в США в конце прошлого столетия, — к нам регулярно приходили обращения и статьи все более волнующего характера, послания такой грозной силы, словно это были энци-

¹ A. M a u d e. Tolstoy and his Problems, 1904, p. 192.

² «Письма графа Л. Н. Толстого к жене», М., 1915. См. письмо от 22 февраля 1885 г.

клики главы великой церкви, церкви человечности. Его простой и благородный призыв—«будем справедливыми!»—всею душой воспринимался мной и моими друзьями».¹

В яснополянской библиотеке сохранилось много книг американских писателей и общественных деятелей, присланных Толстому с теплыми посвящениями и словами благодарности.

Одной из последних книг, полученных Толстым из США, были «Джунгли» Эптона Синклера, присланные самим автором. По поводу этой книги, произведшей на Толстого большое впечатление, в неопубликованном дневнике доктора Душана Маковицкого, жившего в эти годы в Ясной Поляне, имеется несколько записей, относящихся к концу 1906 года. 4 декабря Маковицкий записывает, что Толстой читал эту книгу и потом в беседе передавал ее содержание; 14 декабря Маковицкий записывает, что Лев Николаевич сказал, что следовало бы издать роман по-русски в «Посреднике». 24 декабря Маковицкий снова записывает разговор с Толстым о «Джунглях». Толстой назвал книгу «удивительной», критиковал Синклера за социалистические взгляды, но характеризовал его как «знатока жизни рабочих».²

6. В 1917 году русский народ, в содружестве со всеми другими народами, населявшими царскую Россию, поднялся на ноги, сбил с себя оковы и стал строить новую счастливую жизнь.

Первые годы были тяжелы. Разрушения, принесенные первой мировой войной, и бедствия гражданской войны привели к хозяйственной разрухе. Голод и эпидемии унесли множество жизней. Нужен был весь героизм русского народа, государственная мудрость и железная воля его руководителей, Владимира Ленина и Иосифа Сталина, чтобы

¹ Из предисловия к XXI тому английского издания сочинений Толстого (The works of Leo Tolstoy. London), 1937, стр. VII—VIII.

² Приводится по составленному С. М. Булгаковым рукописному каталогу английских книг Яснополянской библиотеки, хранящемуся в архиве Толстовского музея при Институте мировой литературы им. Горького Академии Наук СССР.

Молодая республика вышла победительницей из всех испытаний.

Отважные и пытливые люди с Запада приезжали в Москву, чтобы увидеть собственными глазами, как живут и работают трудящиеся в советском государстве. Советские люди с теплым чувством вспоминают двух благородных представителей двух поколений американской интеллигенции — Линкольна Стеффенса и Джона Рида, принесших нам в это тяжелое время симпатии своего народа. Когда великий американский журналист Линкольн Стеффенс приехал из голодной и холодной Москвы 1919 года в Париж, он произнес крылатые слова, которые до сих пор цитируют на Западе: «Я был в будущем. Оно наступило».

Джону Риду не пришлось, как Стеффенсу, описать свою славную жизнь. Он умер в Москве в 1920 году и похоронен на Красной площади у кремлевской стены.

Как известно, первоначальное отношение государственных деятелей США к Советской России не было единодушным. В США были люди, которые считали советский строй непрочным и собирались оказывать помощь свергнутым паразитическим классам царской России, основательно забыв, видимо, о революционной исторической традиции своей собственной страны. Однако представители прогрессивных слоев американской общественности и даже некоторые влиятельные деловые круги высказывались за установление русско-американских связей в духе традиционной дружбы между двумя народами. Интервенция не была популярна в США и вызывала многочисленные протесты. Видные американские политические деятели, как Бора, Ла Фоллет и другие, неоднократно ставили вопрос о признании американским правительством советского государства. Американская пресса печатала материалы о созидательной работе советского правительства и высказывалась за оказание экономической помощи Советской России.

Со своей стороны советское правительство и лично товарищ Ленин уделяли много внимания делу установления прочных дружественных связей с заокеанской республикой.

Чрезвычайный интерес представляет инициатива американской прогрессивной общественности, которая создала в эти годы ряд организаций, ставивших своей целью экономическую помощь советскому народу и сближению двух стран.

Так «Общество друзей Советской России в Америке» организовало экономическую поддержку молодой Советской республики, направляя в Россию группы рабочих, техников и т. д. для помощи советскому хозяйству. В письме «Обществу друзей Советской России» Ленин благодарит группу членов общества, приехавших со своим тракторным парком и создавших в Пермской губернии хозяйство, пропагандировавшее среди местных крестьян передовую сельскохозяйственную технику. «Я вхожу с ходатайством в президиум ВЦИК,— писал Ленин,— о признании этого советского хозяйства образцовым и об оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и другими материалами, необходимыми для реорганизации ремонтной мастерской.

Еще раз выражаю Вам от имени нашей республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и столь важным, как оказанный Вами».¹

Не меньшую помощь Советской республике оказало «Общество технической помощи Советской России», которое также направляло технически оснащенные группы производителей для работы в Советской России. Сохранилось письмо Ленина и к этому обществу.²

Следует также отметить движение среди рабочих отдельных профессиональных союзов в США за оказание производственной помощи советскому народу. Несколько сот американских горняков отправилось в 1921—1922 гг. в Кузбасс. Они привезли с собой современные орудия производства и оказали помощь советской горной промышлен-

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 3-е, т. XXVIII, стр. 308.

² Там же, стр. 309.

ности. Американский профсоюз портных помог советским хозяйственникам наладить работу на ряде швейных фабрик Москвы и Ленинграда.

Эти примеры показывают, что американский народ чувствовал искреннюю дружбу к молодой Советской республике и с большой охотой предлагал помощь освобожденным народам России.

Таким образом, несмотря на то, что официально правительство США не признало в эти годы Советскую Россию, традиционная дружба народов Америки и России не была прервана. Деловые отношения двух стран также неуклонно укреплялись из года в год, и запоздавшее восстановление дипломатических отношений лишь оформило существующие связи.

Связь Советской России с американским обществом особенно сильно возросла в годы индустриализации страны, когда советским людям пришлось многому поучиться у представителей передовой американской техники. Нельзя не вспомнить, что ряд американских инженеров и техников приняли практическое участие в индустриализации СССР. Среди награжденных советским правительством участников этого исторического строительства были и американские инженеры.

Грандиозный успех пятилетнего плана не мог не возбудить в американском обществе интереса к советскому строю, к советским хозяйственным успехам, к новому советскому человеку. Тысячи американцев — среди них виднейшие представители американской общественности, науки, техники — посетили СССР. Многие десятки книг и статей, вышедших из-под пера этих людей, показывают, что Советский Союз и советская культура имеют среди американской интеллигенции много убежденных друзей.

Американцы знают не только создания советской материальной культуры — Днепрострой, Магнитострой, Турксиб, СТЗ и другие детища пятилеток, — они знакомы также и с советской духовной культурой.

Связи советской и американской науки значительны

и многообразны. На международных и союзных съездах и конференциях деятелей науки в СССР неизменно присутствуют делегации американских ученых. Американские ученые состоят почетными членами и членами-корреспондентами Академии Наук СССР. Более ста советских ученых состоят членами американских научных обществ. Визиты американских ученых в СССР и советских в США вошли в систему и способствуют сближению ученых обеих стран.

Отношение к русской науке нашло яркое выражение в том беспредельном уважении, которым пользуется на протяжении многих лет в США великий русский ученый Иван Петрович Павлов. Десятки виднейших американских ученых, физиологов, зоологов, психологов считают себя его учениками. На физиологическом конгрессе в США орации И. П. Павлову длились 20 минут. На вопрос, какой прием был ему оказан в Америке, Павлов со свойственной ему скромностью, ответил: «Хорошо принимали. Среди американского научного мира у меня, повидимому, много друзей».

XV Международный физиологический конгресс 1935 года происходил в СССР, и председателем его был И. П. Павлов. Американская делегация была одной из самых многочисленных на конгрессе. Глава американской делегации, гарвардский профессор Уолтер Кеннон, выступая с приветственной речью и воздавая хвалу Павлову, «старейшине физиологов всего мира», остановился на современном состоянии науки. Указывая на фашистов, он говорил о преследовании науки в «некоторых странах», где душат научную мысль и терроризируют ученых, и подчеркнул благоприятные условия развития науки в Советском Союзе, где «особенно ясно понимают социальную роль научного прогресса».

Искусство Советской страны пользуется в США большой известностью. Советское искусство кино ценится в США необычайно высоко. Советские фильмы оказывают заметное влияние не только на американское кино, но и на американскую художественную литературу. «Броненосец

Потемкин» Эйзенштейна, «Крестьяне» Эрмлера, «Конец Санкт-Петербурга» Пудовкина, «Земля» Довженко, «Три песни о Ленине» Виртова, «Чапаев» Васильевых, «Трилогия о Максиме» Козинцева и Трауберга и ряд других ведущих советских фильмов не только получили восторженную оценку зрителей в США, но и оказали плодотворное влияние на развитие американского искусства. Советские антифашистские фильмы «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок» и другие были встречены в США общим одобрением и способствовали укреплению единого антигитлеровского фронта. Советский театр также весьма известен в США и имеет много горячих поклонников. Русская драматургия в лице Чехова сыграла огромную роль в американском искусстве в послевоенные годы. Многочисленные издания произведений Чехова, постановка его пьес на сцене американских театров и многообразные отклики в литературе ознаменовали «чеховский период», следовавший за «толстовским периодом» конца прошлого столетия.

Блисс Перри, видный представитель американской литературной интеллигенции старшего поколения, семидесятилетним стариком научился русскому языку, чтобы читать Чехова в подлиннике.

Гастроли в США в 1922—1923 гг. одного из самых замечательных советских творческих коллективов — Московского Художественного театра — были значительным событием в американской художественной жизни. Мемуары Немировича-Данченко и книги Станиславского «Моя жизнь в искусстве» и «Работа актера над собой» были изданы в США. Популярности советского театра много способствовали театральные фестивали в Москве и Ленинграде в 1932—1937 гг., среди посетителей которых было много американцев и в их числе — американских деятелей искусства и писателей по вопросам театра.

Музыка советских композиторов — Прокофьева, Шостаковича, Мясковского — хорошо известна в США и исполняется первоклассными американскими оркестрами, как Бостонский и Филадельфийский оркестры или Нью-Йоркская

филармония. Судя по той высокой оценке, которую получает советская музыка в США, американские музыкальные круги и широкая масса посетителей концертов не только видит в корифеях советской музыкальной культуры достойных продолжателей великих традиций Глинки, Мусоргского и Чайковского, но считает музыку советских композиторов лучшей в мире.

Библиография советской художественной литературы, изданной в США, насчитывает много названий. Книги крупнейших советских писателей — Шолохова, Алексея Толстого, Фадеева, Эренбурга, В. Катаева, Ильфа и Петрова, Соболева, Леонова, Пришвина, Николая Островского и многих других — переводятся в США и имеют успех. Так, в одном только 1935 году в США были изданы «Егор Булычев» и «Проблемы советской литературы» Максима Горького, «Поднятая целина» Шолохова, «Приключения факира» Всеволода Иванова, «Рассказы» Зощенко, «Горы и люди» и «Рассказы» Ильина, «Квадратура круга» В. Катаева, «Швамбрания» Кассиля и «Черный консул» Виноградова. Многие американские преподаватели и библиотечные работники считают Ильина лучшим детским писателем современности. Имена Максима Горького и Владимира Маяковского, любимых писателей советского народа, пользуются в Америке любовью и уважением.

Только что вышедшая в США последняя часть «Тихого Дона» получила исключительно высокую оценку в американских литературных кругах и общей прессе. Роман был охарактеризован как классическое произведение нашего времени.

Можно смело сказать, что всякое новое начинание советских людей в области материальной и духовной культуры находит живой отклик в США. Советский павильон на Международной выставке 1938 года в Нью-Йорке посетило 16 с половиной миллионов человек, из которых многие проявили глубокий интерес к жизни и работе советских людей.

А каково отношение советских людей к Америке?

В 1931 году немецкий писатель Эмиль Людвиг в известной беседе с товарищем Сталиным спросил, чем объясняется «исключительное уважение ко всему американскому», которое он, по его словам, увидел в Советском Союзе.

Сталин ответил: «Вы преувеличиваете. У нас нет никакого особого уважения ко всему американскому. Но мы уважаем американскую деловитость во всем — в промышленности, в технике, в литературе, в жизни. Никогда мы не забываем о том, что США — капиталистическая страна. Но среди американцев много здоровых людей в духовном и физическом отношении, здоровых по всему своему подходу к работе, к делу. Этой деловитости, этой простоте мы и сочувствуем».¹

И дальше, раскрывая исторические предпосылки демократического характера американской культуры: «Несмотря на то, что феодализм, как общественный порядок, давно уже разбит в Европе, значительные пережитки его продолжают существовать и в быту и в нравах, феодальная среда продолжает выделять и техников и специалистов и ученых и писателей, которые вносят барские нравы в промышленность, в технику, науку, литературу. Феодальные традиции не разбиты до конца. Этого нельзя сказать об Америке, которая является страной свободных колонизаторов, без помещиков, без аристократов. Отсюда крепкие и сравнительно простые американские нравы в производстве. Наши рабочие-хозяйственники, побывавшие в Америке, сразу подметили эту черту. Они не без некоторого приятного удивления рассказывали, что в Америке в процессе производства трудно отличить с внешней стороны инженера от рабочего. И это им нравится, конечно».

Говоря об отношении к Америке в СССР, нельзя не вспомнить очень популярной у советских читателей книги Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка», в которой достаточно полно и ярко отразилось отношение советского общества к США. В каждом случае, когда советские авто-

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Людвигом. Госполитиздат, 1938, стр. 10.

ры платят дань дружеского восхищения той или другой стороне американской жизни, это есть выражение великой советской симпатии к труду, к научному прогрессу, к демократическому строю национальной культуры, ко всякому свободному проявлению человеческого достоинства и человеческого таланта. Критика же относится к тем сторонам американской жизни, которые, по мнению авторов, находятся в противоречии с этими превосходными достоинствами американской жизни и американского характера.

Революционно-демократические традиции американского народа делают для советского общества изучение американской жизни и культуры задачей выдающегося интереса и значения.

Интерес к американской культуре пробудился в России, начиная с первых томиков Ирвинга и Купера, дошедших до нас во французском переводе. С тех пор этот интерес не ослабевал. Советские историки посвящают много внимания вопросам истории США и русско-американских связей. Всем известна широчайшая популярность классической и современной американской литературы у советского читателя. Советские издательства не перестают издавать американских классиков: Купера, Ирвинга, Эдгара По, Уитмена, Марка Твена, Брет-Гарта. Советский читатель превосходно знаком с новейшей американской литературой, начиная с Бирса, Крейна и Джека Лондона, и вплоть до последних новинок американской беллетристики, быстро появляющихся в советских журналах. Имена Драйзера и Эптона Синклера известны советскому читателю не хуже, чем имена собственных советских писателей. Советская пресса следит за американской культурной и художественной жизнью — инженерной техникой, литературой, кино, архитектурой. Американские пьесы идут на советской сцене. Талантливые произведения американского кино находят неизменный успех у советского зрителя.

В 1937 году Чкалов и Громов, перелетев через полюс, принесли на крыльях своих самолетов привет Америке от советского народа. Этот знаменательный перелет был все-

сторонне обсужден советской и американской печатью. Америка воздала высокую хвалу смелости и мастерству советской авиации. Знаменитый американский полярник и президент Клуба исследователей Вильямур Стефенсон сказал о перелете Чкалова, что это величайшее событие авиации со времени полета братьев Райт в 1902 году. Однако Громов немедленно повторил перелет Чкалова и установил новый мировой рекорд дальности полета по прямой. Президент Рузвельт тепло приветствовал советских летчиков. Триумфальный путь экипажей обоих советских самолетов через американский материк, от тихоокеанского побережья к атлантическому, показал, что американский народ был единодушен в своей симпатии к советским летчикам. Не приходится уже говорить об искреннем выражении дружбы, которое наши летчики встретили со стороны своих коллег — американских летчиков и полярников. Братство русских и американских летчиков проявилось уже ранее, в совместных поисках Эйельсона и Маттерна, в спасении советских моряков-полярников с «Челюскина».

Сейчас, когда фашистский агрессор напал на Советский Союз, перелеты советских летчиков в Америку должны быть рассмотрены в новом свете. Если за 60 часов можно долететь от Москвы до сердца Америки, то обе великие державы оказываются не так далеко друг от друга. То, что раньше было далеким и разобщенным, при современном развитии техники оказывается близким и связанным друг с другом. Уже Герцен писал, что соленый океан не может разделить тяготеющие одна к другой великие страны. Сейчас Советский Союз и Соединенные Штаты сближает общее желание побороть и обезвредить обезумевший от крови нацизм, и воздушный океан не разделит, но сблизит объединенные общей целью народы.

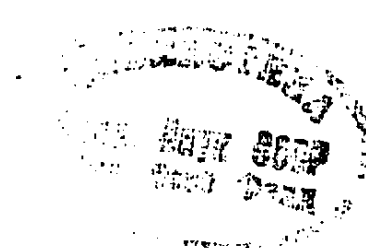
В решающие моменты истории американского народа передовые русские люди выступали плечо к плечу с передовыми людьми Соединенных Штатов, и история дружбы народов уходит глубоко в прошлое. В ответной телеграмме на поздравление М. И. Калинина в день 165-й годовщины

независимости США президент Франклин Рузвельт говорит, что американский народ «связан с русским народом крепкими узами исторической дружбы». В этот же день, 4 июля 1941 года, в своей речи, обращенной к американскому народу, Рузвельт заявил: «Мы знаем, что не сможем спасти свободу в нашей среде, в нашей собственной стране, если все соседние с нами страны потеряют свободу». Это ясные и дальновидные слова.

Декларация Рузвельта — Черчилля, послание Рузвельта и Черчилля товарищу Сталину и последовавшая конференция трех держав в Москве знаменуют новый этап борьбы с гитлеризмом, на котором усилия США, Англии и СССР будут объединены в систематическом сотрудничестве.

Рабочие, колхозники и интеллигенция СССР выражают сердечную благодарность народам и правительствам США и Англии за их готовность оказать Советскому Союзу помощь в его освободительной борьбе с фашистской Германией. Помогая одна другой, три великие страны, входящие в антигитлеровскую коалицию, обеспечат разгром фашистов на каждом фронте. Сейчас главный фронт проходит по полям нашей родины.

Гитлер одерживал победы только потому, что ему удалось сеять рознь и недоверие между демократическими странами. Сейчас всем ясно, что уничтожение кровавого чудовища гитлеризма — общая задача всех прогрессивных наций, которую они должны выполнить немедленно, дружными усилиями, сообща. Будем же крепить дружбу русского и американского народов, единение Советского Союза и великих англо-саксонских демократий, единение свободных людей во всем мире для конечной победы над врагом человечества — фашизмом!

Подписано к печати 7/1 1942 г. Ризо № 1093. Заказ 2866.
Л 7719. Объем 1 печ. л., 1,6 уч.-изд. л. Тираж 20 000 экз. Цена книги 30 к.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

EB_1942_AKS_796

